

Взаимоотношения языка и традиционной культуры – это объект исследований так называемого «узкого» направления этнолингвистики¹. В отличие от этнолингвистики «широкой», реконструирующей славянскую мифологическую картину мира и методологически уже сформировавшейся как направление, этнолингвистика «узкая», сосредоточенная на реконструкции традиционной языковой картины мира, еще ищет и осмысляет себя и свою процедуру анализа. Отправной точкой ее формирования была семантическая реконструкция лексики, тесно связанной с мифологией, – культурной терминологии и мифологически мотивированной обиходной лексики и фразеологии, что объединяло ее в задачах с «широкой» этнолингвистикой, а именно в реконструкции древних мифологических представлений. Постепенно, наряду с исследованием подобных специфических и периферийных, зачастую реликтовых, для языковой системы фактов, «узкая» этнолингвистика обратилась к этнокультурной интерпретации народного языка в целом, то есть стала примерно в такое же отношение к диалектному материалу, в каком современная теоретическая семантика находится к литературному языку. В этом она нашла себя, из составной части «широкой» этнолингвистики превратившись в самостоятельную дисциплину. Становление «узкой» этнолингвистики шло спонтанно, в работах разных исследователей, но очень многим оно обязано работам Е.Л. Березович, основные направления и результаты которых нашли отражение в данной монографии. Проблематика работы и способы решения задач испытали на себе влияние, с одной стороны, исследований московских этнолингвистов, особенно С.М. Толстой, ставшей ответственным редактором этой книги, с другой – традиций уральской школы ономастики и лексикологии.

Монография не имеет единого сюжета – их в ней много. Это собрание исследований, посвященных тематически самым разнообразным фрагментам русского народного языка и

культуры и объединенных в пять разделов: «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе», «Человек и пространство в зеркале языка», «Семантическая реконструкция лексики и фразеологии», «Культурные коды и культурный текст» и «Языковой миф».

Наиболее классическим с точки зрения традиций московской этнолингвистической школы является третий раздел «Семантическая реконструкция лексики и фразеологии», в котором рассматриваются слова и фразеологизмы, мотивированные народными верованиями: мифологическая мотивировка свадебной фразеологии (отказов при сватовстве), названий дожинального снопа и всеника, семантика слова *типун*, мифологический образ жабы и пр.

Прочие разделы в большей или меньшей степени воплощают индивидуальный научный метод и исследовательский ракурс автора, отличный от классического для московской этнолингвистической школы. На изложении его сущности и представляется особенно важным остановиться в настоящей рецензии.

Первую отличительную его особенность составляет объект исследования. Это не только диалектная лексическая периферия (мифологическая, обрядовая терминосистемы), но и ядро лексико-семантической системы русского языка, изучаемого как макросистема, состоящая из литературной, диалектных и жаргонных форм, за которой на страницах книги встает образ человека и пространства. Первый и в особенности второй раздел монографии дают образцы семантического анализа, весьма близкого и тематически, и методически к исследованиям, осуществляемым в рамках отечественной лексической семантики и школы концептуального анализа, но выполненного на диалектном материале. (См. в разделе «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе» анализ лексики межличностных отношений, лексики, обозначающей отношение к труду, к еде, соседскому общению и гостеприимству и позволяющей реконструировать своеобразие русской народной аксиологии; в разделе «Человек и пространство в зеркале языка» следующие обширные этюды: семантический портрет слова *люди*, языковой стереотип инородца (иноземца) и в частности цыгана, концепт дурака, концепт чуда, а также пространственные концепты: *захолустья*, *своей и чужой земли*.) Для славянской этно-

* Работа выполнена при поддержке гранта № НШ-943.2008.6.

¹ Термины «узкая» и «широкая» этнолингвистика используются вслед за Н.И. Толстым. Подробно о научном контексте рецензируемой работы см. во «Введении» к монографии.

лингвистики, несомненно, новым является как сам факт обращения к антропологическим смыслам в русской традиционной культуре, так и их синхронное описание по данным современных русских говоров и жаргонов. В отличие от обычной для этнолингвистики диахронической реконструкции, ориентированной на описание «славянских древностей», в монографии дается реконструкция синхронной русской этнической картины мира. Основанная не только на литературном, но прежде всего на богатейшем диалектном материале она, бесспорно, выигрывает в объективности у аналогичных по ракурсу описаний, предпринимаемых в современной лингвокультурологии и базирующихся на данных литературного языка. Особенно ярко преимущества привлечения диалектного материала раскрываются перед читателем в анализе этнических стереотипов. С одной стороны, диалект дает широту номинаций, позволяющих лингвистически объективно реконструировать тот или иной образ, а с другой – делает реконструкцию объемной и объективной, отражая взгляд человека из народа, нередко отличный от «элитарного», – то есть подлинно русскую картину мира².

Главным источником производимой автором реконструкции является мотивация слова, а сама монография фактически посвящена исследованию номинативной системы языка. Это вторая важная черта используемого в работе метода, отличающего его от большинства синхронных лингвокультурологических исследований. Лексическая семантика с ее опорой на сочетаемость, круг объектов и субъектов действия или признака, парадигматические и синтагматические связи и морфологические особенности слова, рассматриваемого вне диахронии, обычно при реконструкции картины мира не использует этот важнейший для этнолингвистики источник концептуальной информации: семантико-мо-

тивационные отношения, по словам самого автора, «незаслуженно обойдены вниманием исследователей» (с. 116). Мотивация признается автором наиболее лингвистически объективным источником знания о мире: «ценность этого источника концептуальной информации определяется тем, что заложенный в названии признак отражает такое знание об объекте, которое срослось с языковой формой, а потому доступно для всех носителей языка» (Там же). Обоснование мотивации как объективного источника коннотации, над поисками которого «бьется» лексическая семантика, легло в основу раздела о языковом образе инородца («Человек этнический в зеркале языка: к методике описания»), в котором на основании номинативного спектра этнонима и последующей систематизации мотивов, отраженных в номинации, составлен его коннотативный спектр. Та же процедура анализа применена при описании концепта захолустья и языкового образа дурака, причем в организации последнего систематизация мотивов доведена до уровня кодов (соматического, социального, технического и пр.). В монографии предлагается много этимологических решений, проясняющих мотивацию, в том числе на основании привлечения культурного контекста («языковые факты, которые... не составляют фонетических трудностей... но непрозрачны с точки зрения мотивации, которая выясняется при обращении к некоторому культурному контексту» (с. 239).

Теоретические проблемы извлечения из языковых форм концептуальной информации автор подробно рассматривает в разделе «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе», содержащем методологическую основу книги и «узкой» этнолингвистики в целом. «Задача реконструкции традиционной языковой картины мира... требует поиска таких источников этнокультурной информации, которые бы позволяли представить последнюю наиболее полно и системно» (с. 19), – замечает автор. В главе «К этнолингвистической интерпретации семантических полей» намечены уровни организации слов и их системы, к которым исследователь должен обращаться при реконструкции картины мира. Наряду с мотивацией и культурной символикой – традиционными для этнолингвистики уровнями анализа концептуальной информации – автор рассматривает такие источники, как набор лексических единиц (vs. смыслов), составляющих поле, и взаимодействие лексики (vs. смыслов) данного поля с другими полями (лакуны и маркировка, детализация смыслов, проекции одних смыслов на другие, место смыслов в системе). Эти источники весьма

² Монография базируется на большом по объему материале русских народных говоров и жаргонов, заимствованному из всех возможных лексикографических источников, картотеки топонимической экспедиции Уральского университета и собственных записей автора. Почти исчерпывающий характер материала, опора на факты неизменно делает анализ чрезвычайно тонким и нетривиальным (см. главу «Еще раз о русском *авось*», где на основании диалектных контекстов разгадана мотивация этого этимологически загадочного слова).

редко попадают в поле зрения исследователя диалектного языка по той простой причине, что их привлечение требует широчайшего охвата материала (исследователь литературной семантики может извлекать данную информацию из своего языкового сознания, а этнолингвисту для этого требуется провести огромную подготовительную работу по сбору лексики по словарям или в полевых условиях, чтобы выводы и наблюдения были объективны). Автор обращает внимание на важность собственно семантического уровня в исследовании, вводит его в научный оборот. Интересны содержащиеся в этом разделе наблюдения относительно различий в организации некоторых участков полей (трудолюбие, скупость, рассеянность, интеллект, отношение к еде) в диалектном и литературном языке.

Наряду с традиционным языковым материалом – лексикой – в этом теоретическом разделе в поле этнолингвистического исследования вводится и совершенно новый материал – ономастика, открытый автором для лингвокультурологических исследований. Рассмотрению его возможностей как источника знаний человека о мире посвящена глава «Ономастическая семантика», теория которой разработана в предыдущей монографии автора «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте».

Топонимия во всех образующих монографию сюжетах является неперменной составляющей и богатейшим источником реконструкции народного мировоззрения, а семантическая жизнь имен собственных ее лейтмотивом. Так же как и лексика, топонимия выражает мнение человека о мире, во-первых, в способе мотивации – названия того или иного места через некоторое понятие, и во-вторых, – в переносных употреблениях по отношению к другим географическим объектам и семантических дериватах в нарицательной лексике. Эти возможности топонимии раскрываются автором в главе «“Свои” и “чужие” земли», где исследуется топонимический код в номинации – выделяются закономерности использования топонимов во вторичной функции и мотивы, отражаемые в подобном использовании названий, с одной стороны, деревенского мира, а с другой – общеизвестных географических объектов типа *Москва, Питер, Урал, Париж* и пр.

Изучение мотивации слова и поиск закономерностей в их развитии поднимает в монографии проблему кода. Проблеме кода в лексико-семантической и обрядово-игровых системах посвящен четвертый раздел монографии «Культурные коды и культурный текст». В главе «Пищевой код в дискурсе иг-

ры» рассматривается функционирование пищевых образов в игровой номенклатуре (названиях игроков, их действий, игровых предметов и пр.) и в сопровождающих игру текстах. Наиболее часто игра использует образы каши, кваса, хлеба, масла, сала и соли. Участие каждого вида пищи в игровом дискурсе проиллюстрировано обширным лексическим, фразеологическим и фольклорным материалом. В сопоставлении с внеигровыми употреблениями соответствующих пищевых лексем, а также с близкими к игровым обрядовыми действиями выделяются семантические мотивы, реализуемые пищевыми образами в игре (для большинства продуктов сквозным мотивом является семантика удара, кроме того каждый продукт реализует в игре свой набор признаков). Данное исследование чрезвычайно интересно для познания как донорской (пищевой), так и реципиентной (игровой) систем: синонимические связи, семантика и коннотации пищевых лексем в периферийных употреблениях; семантика элементов игры, проявляющаяся на «пленке» пищевого кода и в обрядовом контексте, структурирование области игры с помощью номинации.

В главе «Явление лексической ксеномотивации» исследуется этнический код в лексике, а именно типология использования обозначений чужих народов в качестве основ для негативно-оценочной вторичной номинации, лишенной какой бы то ни было объективной мотивировки и отражающей обобщенное представление народа о чужом как аномальном. В основе данного кода лежат такие модели, как 'чужой' – 'неправильный', 'странный', 'поддельный', 'непонятный' и пр., одинаково реализуемые различными производящими основами вне зависимости от их исходной семантики. Данные модели представлены в таких тематических сферах, как астрономия (луна, созвездия), метеорология (слепой дождь, мороз, туман), вредные насекомые (прежде всего тараканы), дикие, ядовитые растения, суррогаты материалов, болезни, отрицательные черты характера и др. В каждой из этих групп приводится богатейший иллюстративный материал, включающий русские, инославянские, романские, германские, угрофинские диалектные и литературные данные, что делает данное исследование важным вкладом в лексическую типологию. Семантические дериваты от названий чужих народов рассматриваются автором как мотивационное макрогнездо – «языковые факты, возникшие в результате семантической деривации и объединенные семантической общностью производящих слов» (с. 448). Особого внимания заслуживает предлагаемая ав-

тором теория устройства vs. описания этого интереснейшего типа лексико-семантических систем, характеризующаяся рядом параметров: наличием ограниченного круга тематических сфер и значений, обслуживаемых ксеномотивацией, внутригнездовых и внешних параллелей, соотносением с культурными мотивами.

Автору свойственно глубокое видение формальных механизмов в развитии лексики. Как этимолог, Е.Л. Березович в семантических трансформациях слова нередко, наряду с когнитивной основой, видит чисто языковые причины, которые наравне с понятийными связями принимают участие в формировании концепта. Ее интересует не только, как устроен мир, но как устроен язык. Авторский метод характеризуется вниманием к внутрисистемной, внутриязыковой жизни слова, взаимодействию его с близкими по звучанию словами. В отличие от близкого явления – литературной паронимии, – в системе диалекта фонетические аттракции играют важную роль и создают семантические притяжения. В результате этих притяжений формируется морфосемантическое поле, которому автор придает большое значение в развитии диалектной лексико-семантической системы. Аттракция и факт морфо-семантического поля сыграли большую роль в формировании северно-русского концепта *чуда*, формально и содержательно взаимодействующего с *чужим* и *чудью* – объединяемых как связью нечистого и чужого, так и близостью корней. Это привело к возникновению, во-первых, трудно этимологизируемых лексем, для которых возможна разная формальная мотивация, и во-вторых, круга общих значений, выражаемых словами с этими корнями: оборотничество, нечистая сила, дорусское население, ряжение, колдовство, неряшливость, юродство, озорство) (глава «Чудесное в пространстве»).

Внутриязыковым возможностям порождения смысловых связей посвящен пятый раздел «Языковой миф», в котором рассматривается проблема развития текстов, мотивированных не представлением человека о действительности, а собственно языковыми механизмами – возникающими в системе смысловыми и звуковыми притяжениями, на основании которых носитель традиции в стремлении познать и объяснить действительность приписывает ей те или иные реально не свойственные ей черты. Наиболее часто языковые мифы развиваются в сфере народной медицины – в процессе осмысления болезни и способов лечения на основании ее названия. На примере диалектных названий болезни *ячмень* пока-

зывается, как из фактов языковой системы возникает миф и как он потом в свою очередь стимулирует появление новых языковых фактов. В двух типах номинации данной болезни – от названий зерновых культур и собаки – возникают различные аттракции с корнями другой семантики (*пес* – *пест*, *сука* – *сучок*, *жит* – *жиг*), соотносимые с методами лечения этой болезни. Наличие семантической мотивировки не удовлетворяет автора: названия, притянутые к полям «зерно» и «собака», семантически мотивированы и сами по себе, но автор их понимает как аттракции к указанным полям (*сучок* как производное от *сука*, *жига* от *жито*). Во второй главе данного раздела реконструируется языковой миф, связанный с именем *Афанасий* и отраженный в его коннотациях, проявляющихся в семантике его нарицательных производных. Наричательные производные *Афанасия* появляются среди обозначений негативных черт человеческого характера, кислой пищи, частей тела, предметов и в терминологии игр, реализуя в этих тематических сферах сквозные мотивы глупости, медлительности, неудачливости, неряшливости. Выявить эти мотивы позволяют синонимичные номинации с прозрачной внутренней формой. Причины формирования образа простофили, стоящего за именем *Афанасий*, носят чисто языковой характер, это прежде всего рифмы и созвучия данного имени с другими словами (*квас* и пр.), запустившие дальнейшее действие языкового механизма. В третьей главе демонстрируется процесс мифологизации в топонимии: как носитель традиции интерпретирует с помощью легенд внутреннюю форму географических названий.

Монография Е.Л. Березович, реализующая различные возможности и формы анализа «узкой» этнолингвистики дает возможность методологически познать эту область как своеобразную лингвокультурологическую дисциплину. Это своеобразие определяется, во-первых, материалом, который может быть любым – и чисто литературным, и диалектным, но главное – народным. А во-вторых, – обращением к контексту (отсюда диахрония, факты других форм культуры, общеславянский ракурс), состоящий в богатстве номинаций и невербальных обозначений, служащих для этнолингвиста источником объективной информации об этническом своеобразии картины мира.

Е.И. Якушкина